

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-100-107

«Апокалиптические» экфрасисы (И. Бунин – А. Грин – Б. Юльский)

Маргарита Ивановна Крюкова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

iamdaisy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7685-9001>

Аннотация

Статья посвящена рассказу «Линия Кайгородова» Б. М. Юльского, писателя дальневосточной эмиграции. Цель статьи – рассмотреть особенности экфрасиса в рассказе «Линия Кайгородова» и выявить его функции. Проанализированы интертекстуальные переключки с рассказами И. Бунина («Безумный художник», «Огонь пожирающий») и А. Грина («Искатель приключений» и «Серый автомобиль»). Картины в рассказах Юльского, Бунина и Грина олицетворяют пророчество о гибели человечества: вместо будущего спасения, дарованного Христом, – тьму, витающую над миром. Сделаны выводы о том, что экфрасис в творчестве Юльского обладает сюжетообразующей функцией. Картина перенаправляет ход событий и решает судьбу героя. Экфрасис в рассказе «Линия Кайгородова» связан с мотивом сумасшествия и смерти.

Ключевые слова

восточная эмиграция, экфрасис, мотив сумасшествия, интертекстуальность, Иван Бунин, Александр Грин, Борис Юльский

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера»

Для цитирования

Крюкова М. И. «Апокалиптические» экфрасисы (И. Бунин – А. Грин – Б. Юльский) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 100–107. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-100-107

“Apocalyptic” Ekphrasis (I. Bunin – A. Grin – B. Yulsky)

Margarita I. Kriukova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

iamdaisy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7685-9001>

Abstract

Purpose. The article is devoted to the story “Kaigorodov’s Line” by B. M. Yulsky, a writer of the Far Eastern emigration. The relevance of the work is determined by the increased interest in the work of Russian writers, who created their works outside of their homeland, but, nevertheless, reflected the traditions of Russian literature, as well as absorbed the culture of the environment. The purpose of the article is to consider the features of ekphrasis in Yulsky’s story “Kaigorodov’s Line”, to identify its functions.

© Крюкова М. И., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 100–107

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 100–107

Results. The methodological basis of the article is determined by the unity of the historical-literary, comparative and structural approaches. The article analyzes the intertextual typological echoes with I. Bunin and A. Grin's stories. In the texts of the writers of the first half of the 20th century, the plot is centered on an artist who has come through the trials of life and who is craving to create a masterpiece. The ekphrasis in Yulsky's story has a plot-forming function. It is noted that the text contains two ekphrasises: first, the artist draws a picture in his imagination, and the second one is his creation, as a reflection of the soul, tormented by his difficult fate.

Conclusion. It is concluded that the ekphrasis in Yulsky's work is not only a separate description of the image in the text. The picture turns the course of events and defines the character's fate. The ekphrasis in the story "Kaigorodov's Line" is associated with the motive of madness and death.

Keywords

Eastern emigration, ekphrasis, motive of madness, intertextuality, Ivan Bunin, Alexander Grin, Boris Yulsky

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation grant no. 19-18-00127 "Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a space for literary transfer"

For citation

Kriukova M. I. "Apocalyptic" Ekphrasis (I. Bunin – A. Grin – B. Yulsky). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 100–107. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-100-107

Введение

Б. М. Юльский, литератор, принадлежавший к дальневосточной эмиграции, служил в отряде русской горно-лесной полиции в Маньчжурии, поэтому очень часто его рассказы наполнены таежной экзотикой и романтикой лесного существования. Жизнь в Харбине также повлияла на его творчество. Е. О. Кириллова [2016; 2018] и А. А. Забияко [2015] исследовали влияние китайской культуры и мифологии на поэтику произведений Юльского, проводился анализ интертекстуальных переключек произведений Юльского с рассказами И. Бунина [Куликова, 2020] и В. Набокова [Ускова, 2012].

Интересно было бы рассмотреть изобразительные образы в творчестве Б. Юльского, понять их специфику, сопоставив с экфрасисами современников писателя (первой половины XX в.).

Рассказ «Линия Кайгородова» (1940) представляет собой редкий случай использования автором экфрасиса: текст содержит немиметический экфрасис, характеризующий «отсутствие в истории художественной культуры реального референта» [Яценко, 2011, с. 49]: главный герой рассказа, художник Кайгородов, создает картину. При этом экфрасис в тексте не выполняет лишь эстетическую функцию, он является сюжетообразующим.

Результаты исследования

Начало рассказа будто рисует мозаичную жизнь главного героя, элементами которой являются геометрические фигуры. Кайгородов – художник, преподающий рисование в школе. Но жизнь его скучная и серая, его ученики рисуют кубы, конусы и цилиндры, от которых он устает больше, чем от физической работы. Вдохновение покинуло живописца. В его мастерской «улыбаются джентльмены» и «кокетируют дамы» [Юльский, 2011а, с. 415] на магазинных вывесках – хоть и рекламные изображения, но в них, тем не менее, есть жизнь. Однако автором этих работ является подмастерье.

Впрочем, есть то, что может спасти героя. Это дело всей его жизни, обдумывая которое, герой оживает, на его щеках появляется румянец. Кайгородов должен создать картину: «...Колосящаяся нива <...>. На фоне этого поля – группа женщин, протянувших руки в немой мольбе <...>. И впереди их всех – в прозрачных белых одеждах стоит заступивший их собою Христос <...> А на переднем плане – группа солдат, озверенных рылами противоголов» [Там же, с. 424].

Мечта героя рассказа Юльского «Линия Кайгородова» отсылает к рассказу И. Бунина «Безумный художник» (1921). Художников сближает не только нервное состояние и безраз-

личие к жизни. Они оба грезят о создании шедевра и рисуют его в своем воображении. В текстах возникает воображаемый экфрасис – описание будущей картины. Художник Бунина тоже создает картину в воображении, представляя светлое событие рождения Христа с «ликованием ангелов, таким светом, чтобы это было воистину рождением нового человека» [Бунин, 2006а, с. 166].

Картины с изображением лика Христа вселяют надежду на будущее, кажется, в них отобразится свет, возможность возрождения души своего создателя. Оба художника при этом находятся в состоянии напряжения: у Кайгородова «горят глаза нездоровым блеском» [Юльский, 2011а, с. 425], художник Бунина в отчаянии хватается за голову, когда не может найти нужные ему краски.

На долю персонажей рассказов выпали тяжелые испытания: художник у Бунина потерял жену и ребенка, Кайгородов еще подростком ощутил ужас гражданской войны. Израненные души не могут создать света и надежды в своих работах. Они чувствуют гибель человечества и необходимость его перерождения в обращении к Спасителю. Но трагическая эпоха поглотила и погубила самих художников. А. Лобычев, анализируя рассказ Юльского, заметил: «Автор и в Харбине хорошо видел и чувствовал в тридцатых годах безумное, слепое состояние мира» [Лобычев, 2011, с. 16].

Кайгородов углем и пастелью делает лишь неверный и беспорядочный набросок: «поле, группа женщин, заломивших руки, солдаты в противогазах...». И лишь одна женщина изображена тщательно: «<...> девушка в разорванном платье <...> Она стояла на переднем плане, прикрывая голыми руками грудь и откинувшись назад в предсмертном ужасе <...> И лицо ее, красивое, но искаженное ужасом, было лицом Зои Левкович» [Юльский, 2011а, с. 429]. Эта картина не только погубила самого художника, но и отразилась на девушке, полюбившей Кайгородова: увидев полотно, она так пугается, что едва не падает в обморок. На картине нет Спасителя, выступают лишь ужасы войны, которая навсегда осталась в душе героя, отравляя его сущность.

Картина художника у Бунина еще более ужасает: пожары, распятый Христос, Смерть и гряда мертвых. Такое изображение и судьба художника напоминают творчество другого писателя начала XX в. В новелле А. С. Грина «Искатель приключений» (1915) живописец Доггер, несмотря на то что славится спокойной и здоровой жизнью, в деревне, в гармонии с природой, в спрятанной мастерской создает страшные рисунки в стиле Иеронима Босха. Он тоже творит в «мрачном и больном состоянии» [Грин, 1980, т. 3, с. 250]. Выплеснув на бумагу всё то, что тяготило его душу, Доггер тяжело заболевает.

У персонажа Грина тоже был шанс на спасение. Талантливый художник создает три картины, на которых изображена одна героиня. На первом полотне она не оборачивается, на втором – ее лицо «сверкало молодой силой жизни» [Там же, с. 242], а третья картина показывает ее дьявольское лицо. Для творчества Грина характерно изображение произведений искусства, которые не отличаются от жизни. Скульптурные или живописные персонажи Грина будто дышат, улыбаются. Третья картина Доггера погубила создателя – темная сторона его искусства ухудшила здоровье. В конце новеллы остается лишь полотно с фигурой девушки, которая еще не обернулась. Она должна была стать «оборонительной линией» для художника (как в рассказе Юльского «Линия Кайгородова»), не дав ему изобразить «жизнь, разделив то, что неразделимо по существу» [Там же, с. 249].

У Юльского встречается еще один рассказ с экфрасисом – «Счастье» (1941), в котором изображение на картине не отличается от жизни изображенного. У героя рассказа Полянова нелегкая жизнь: он всю жизнь работал, получил несколько ранений, потерял жену, воспитывал приемного сына. Он грезит о своем счастье: «Жить в маленьком доме с зелеными ставнями <...> поливать цветы в саду и пить чай с липовым медом...» [Юльский, 2011б, с. 450]. Сам того не подозревая, мечтая о будущем, он создал воображаемую картину, которую потом нарисует его сын. На выставке друг Полянова видит «<...> небольшое полотно <...> Краски были так яркие и живы, что вся картина казалась залитой солнцем. На картине был

изображен человек, сидевший на зеленой садовой скамейке, под большой цветущей липой <...> В левой руке человек держал трубку, из которой струился легкий дымок» [Юльский, 2011б, с. 452]. Картина кажется живой, и немного после «оживает» на самом деле, когда герой навещает Полянова. Он видит зеленую скамейку, липу с картины и своего друга с дымящей трубкой в руке.

Доггер Грина находил радость в сельском труде. И Кайгородов у Юльского враждебно относится к механизированной цивилизации: «Нужно разбить все машины» [Юльский, 2011а, с. 422]. Е. О. Кириллова объясняет: «Попав в мир цивилизации, герои теряют единство, целостность, но чтобы вновь обрести это, стремятся снова в тайгу» [2016, с. 83]. Герой, действительно, выглядит чужим в своем окружении, ему все безразлично. Он напоминает другого гриновского персонажа – Сиднея из новеллы «Серый автомобиль» (1923), боявшегося машин и их влияния на людей. У Юльского есть рассказ «Серая смерть» (1943), в котором умирает шофер, поранившийся в собственном автомобиле (тугая автомобильная ручка ударила по запястью, у героя появляется смертельная гангрена). И хотя его жена считает причину смерти нелепой, героя будто погубил автомобиль.

Сидней у Грина рассуждал о машинах: «В явлениях, подобных человеческому лицу, мы, чувствуя существо человеческое, видим связь и свет жизни, то, чего не может видеть машина. Ее впечатление, по существу, может быть только геометрическим» [Грин, 1980, т. 4, с. 329]. В начале рассказа Юльского ученики героя рисуют, возможно, не случайно, геометрические фигуры, которые так не любит Кайгородов. В них нет света жизни, который он мог изобразить на полотне.

Сидней мечтал о перерождении не всего человечества, а лишь своей возлюбленной, которую он воспринимал как бездушную куклу, ждущую преображения. Переродиться же она может только после смерти, отчего Сидней пытается сбросить ее с обрыва. В рассказе Юльского, перед тем как создать картину, Кайгородов представлял, что он «стоит на краю обрыва и вот-вот упадет» [Юльский, 2011а, с. 422]. У художника, возможно, тоже был шанс на перерождение.

Губительная сила искусства показана и в рассказе Грина «Белый огонь» (1922). Лейтер, работающий в аукционном доме, много сил отдает профессии: «Картина, статуя, вышивка, гобелен, бронза, камей, этюд, рисунок, медальон, бюст – и каждый раз в каждом творении Лейтер находил немного себя, тотчас продавая это...» [Грин, 1980, т. 6, с. 260]. И хотя сам герой не был художником, с произведениями искусства он будто раздавал частички своей души. Решающую роль в его карьере сыграл рисунок обнаженной руки Берн-Джонса, который вызывал поначалу «чистые и красивые» чувства у Лейтера. Но, как объясняет Грин, у его героя было два лица – второе внутреннее. Как и у искусства, в рассказе «Искатель приключений» два лица: божественное и дьявольское. На аукционе Лейтер видит изображенную руку грязной, с нечищенными ногтями и набухшими жилами. Повернувшегося к темной стороне искусства героя постигает безумие, как и художников Бунина и Юльского. Однако на этом рассказ не заканчивается. С Лейтером происходит обратная метаморфоза. Сбежав из больницы для умалишенных, в лесу он видит прекрасную скульптурную композицию будто живых девушек. И это событие способствует его психическому выздоровлению. Искусство способно и исцелить, если оно – белый огонь, который скорее светит, а не сжигает.

«Смерть и воскресение составляют смысловой центр» [Капинос, 2014, с. 165] рассказа Бунина «Огонь пожирающий» (1923). Героиню рассказа кремируют по ее завещанию. Е. В. Капинос, анализируя тезаурус смерти в творчестве Бунина, в рассказе «Огонь пожирающий» замечает, что церемониальность похоронного обряда наводит на «мысль о “дьявольской” природе революции и цивилизации» [Там же, с. 164], в тексте также выделяется «интенция посмертного наказания за грехи цивилизации (не случайно трубы крематория названы “заводскими”), революции, богохульства» [Там же]. Рассказ снова «завершает» мотив безумия: водитель бешено мчит героя в ревушем с наглостью и угрозой автомобиле. Ге-

рой Грина Сидней также боялся автомобилей, ему казалось, что они ему угрожают и преследуют.

В рассказе Юльского тоже есть огонь. В квартире Кайгородова тушат пожар и в этот момент обнаруживают картину. Мама Зои спрашивает у дочери: «Потушили, *слава Богу*... А ты что как *неживая?*» [Юльский, 2011а, с. 428]. В простой, как казалось, фразе содержится под-сказка – надежда заключена в Спасителе, которого, несмотря на намерения, Кайгородов не нарисовал. Чувства Зои к художнику обязывают ее разделить судьбу своего избранника: она сама теряет жизненную энергию, поскольку не способна оживить души героя.

Во всех рассмотренных экфрасисах присутствует изображение женщин: у Грина мы видим на трех картинах девушку, у Юльского – Зою Левкович, воплощающую собой судьбы женщин мира, пострадавших от войны. Художник Бунина планирует написать Мадонну по образу своей умершей жены и, тем самым, «воскресить ее, убитую злой силой» [Бунин, 2006б, с. 167]. Однако у всех описанных художников печальная судьба: их Галатеи не могут пробудиться и принести счастье своим создателям.

Экфрасисы в рассказах Юльского, Бунина и Грина олицетворяют страшное пророчество о гибели человечества: вместо будущего спасения, дарованного Христом, – тьма, витающая над миром. Мрачные картины разрушают жизни своих создателей: Кайгородов впадает в «небытие», отчужденное существование, художник Бунина и Сидней Грина сходят с ума, Доггер Грина смертельно болен. Безумие героев очевидно: это результат их страшного пророчества.

Отчасти картина Кайгородова отражает оживание героини. Он изобразил ужас на лице Зои Левкович. Когда девушка узнает себя на картине, она испытывает это чувство, так как картину видит и ее мать. Второй раз ее пугает взгляд самого художника, и в отчаянии она чуть не кричит. И, наконец, герой рассказа мечтал создать непроницаемую линию, защищающую царство мира и спокойствия. Несмотря на то что полностью свою идею Кайгородов не воплотил, он создал картину, нарисовал «линию», которая отгородила его от всего внешнего мира. Он улыбался безмятежно и спокойно.

М. Слонимский вспоминал выступление Грина на банкете в честь Г. Уэллса: «Он приветствовал Уэллса как художника. И он напомнил присутствовавшим рассказ Уэллса “Остров Эпиорниса” – о том, как выкинутый на пустынный остров человек нашел там яйцо неизвестной птицы <...> вырастил необыкновенное существо, от которого ему пришлось спасаться, ибо его детище стремилось убить его. В человеке, вырастившем необычайную птицу, Грин усмотрел художника; в птице, гонящейся за ним, – плод его художественного воображения, мечту его» [Жизнь Александра Грина..., 2012, с. 295].

Художники, творцы Бунина, Юльского и Грина не смогли найти в себе силы отвернуться от соблазнов зла (война для Кайгородова) и горечи (утрата семьи художником Бунина). Изображение девушки с дьявольской улыбкой притянуло Доггера Грина к тьме. Поэтому их картины становятся такими мрачными и антиутопическими. Возможно, спасением для них могла бы стать вера. Например, в стихотворении Н. Гумилева «На льдах тоскующего полюса» (1909) лирический герой обездвижен – замирает «без движенья и без голоса» [Гумилев, 1998, с. 209]. Демон смотрит ему в глаза, героя манит смерть. В то же время перед ним стоит выбор: остаться в мире сна или выбрать горечь слез. Хотя в стихотворении нет классического экфрасиса (описания произведения искусства), лирический герой грезит, и в его воображении возникает картина: бескрайнее ледяное пространство и склонившийся демон. Надеждой для героя также становится Христос. Е. Ю. Куликова отмечает: «...созданный Христом “Никейских лилий белый сад” открывает поэту истинную сущность творчества и новую жизнь» [Куликова, 2016, с. 98]. Безбожие героев Бунина и Юльского исключает шанс на перерождение.

Заключение

В текстах Бунина и Юльского представлены два экфрасиса. Одна картина остается в воображении ее автора: художники отчетливо представляют, что хотят создать, мысленно рисуют и передний, и задний планы полотна. Вторая картина – воплощенная – появляется в конце обоих рассказов и представляет итог болезненного состояния художников.

Е. О. Кириллова выделяет «основным, ведущим в мировосприятии» Юльского мотив сумасшествия и смерти [Кириллова, 2018, с. 175]. В рассказе «Линия Кайгородова» этот мотив связан с использованием приема экфрасиса, который не остается лишь статичным описанием изображения: картина словно выскользнула за рамки полотна, чтобы забрать жизненную силу художника. Экфрасис Юльского релевантен интермедийальному контексту литературы первой половины XX в.

Список литературы

- Бунин И. А.** Безумный художник // Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Воскресенье, 2006а. Т. 4. С. 163–172.
- Бунин И. А.** Огонь пожирающий // Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Воскресенье, 2006б. Т. 4. С. 119–125.
- Грин А. С.** Искатель приключений // Грин А. С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1980. Т. 3. С. 225–251.
- Грин А. С.** Серый автомобиль // Грин А. С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1980. Т. 4. С. 310–347.
- Грин А. С.** Белый огонь // Грин А. С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1980. Т. 6. С. 259–265.
- Гумилев Н. С.** На льдах тоскующего полюса // Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Воскресенье, 1998. Т. 1. С. 209.
- Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками: Автобиографическая проза. Воспоминания / Сост. В. Ковский. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2012. 560 с.
- Забияко А. А.** Проза харбинского писателя Бориса Юльского в контексте художественной этнографии дальневосточного зарубежья // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2 (32). С. 91–102.
- Капинос Е. В.** Поэзия Приморских Альп: рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2014. 248 с.
- Кириллова Е. О.** Переплетение культурных пространств востока и запада в творчестве писателя русского зарубежья Б. Юльского // Вестник Череповец. гос. ун-та. 2016. № 5 (74). С. 81–89.
- Кириллова Е. О.** Мотивы сумасшествия и смерти в творчестве Б. М. Юльского (к проблеме своего и чужого в творчестве писателя русской восточной эмиграции) // Научный диалог. 2018. № 2. С. 173–185.
- Куликова Е. Ю.** Тезаурус смерти в лирике Николая Гумилева // Вестник Удмурт. ун-та. 2016. Т. 26, № 6. С. 94–102.
- Куликова Е. Ю.** Бунинский фон в «Белой мазурке» Бориса Юльского // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 3. С. 39–47.
- Лобычев А.** Человек, ушедший на русский Восток: Жизнь и проза Бориса Юльского // Юльский Б. Зеленый легион: повесть и рассказы. Владивосток, 2011. С. 3–25.
- Ускова Т. Ф.** Сюжет о блудном сыне в рассказах В. Набокова «Звонок» и Б. Юльского «Святочный гость» // Память и нарратив. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2012. С. 148–152.
- Юльский Б.** Линия Кайгородова // Юльский Б. Зеленый легион: повесть и рассказы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011а. С. 415–432.

- Юльский Б.** *Счастье* // Юльский Б. *Зеленый легион: повесть и рассказы*. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011б. С. 443–454.
- Яценко Е. В.** «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // *Вопросы философии*. 2011. № 11. С. 47–57.

References

- Bunin I. A.** *Bezumnny khudozhnik* [Mad artist]. In: Bunin I. A. *Complete works*. In 13 vols. Moscow, Voskresen'e Publ., 2006, vol. 4, pp. 163–172. (in Russ.)
- Bunin I. A.** *Ogn' pozhirayushchiy* [Devouring fire]. In: Bunin I. A. *Complete works*. In 13 vols. Moscow, Voskresen'e Publ., 2006, vol. 4, pp. 119–125. (in Russ.)
- Grin A. S.** *Belyy ogon'* [White fire]. In: Grin A. S. *Collected Works*. In 6 vols. Moscow, Pravda Publ., 1980, vol. 6, pp. 259–265. (in Russ.)
- Grin A. S.** *Iskatel' priklyucheniya* [Seeker of adventures]. In: Grin A. S. *Collected Works*. In 6 vols. Moscow, Pravda Publ., 1980, vol. 3, pp. 225–251. (in Russ.)
- Grin A. S.** *Seryy avtomobil'* [Grey car]. In: Grin A. S. *Collected Works*. In 6 vols. Moscow, Pravda Publ., 1980, vol. 4, pp. 310–347. (in Russ.)
- Gumilev N. S.** *Na l'dakh toskuyushchego polyusa* [On the ice of the yearning pole]. In: Gumilev N. S. *Complete works*. In 10 vols. Moscow, Voskresen'e Publ., 1998, vol. 1, 209 p. (in Russ.)
- Kapinos E. V.** *Poeziya Primorskikh Al'p: rasskazy I. A. Bunina 1920-kh godov* [Poetry of the Maritime Alps: I. A. Bunin's stories of the 1920s.]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014, 248 p. (in Russ.)
- Kirillova E. O.** *Motivy sumasshestviya i smerti v tvorchestve B. M. Yul'skogo (k probleme svoego i chuzhogo v tvorchestve pisatelya russkoy vostochnoy emigratsii)* [The motives of madness and death in B. M. Yul'sky's works (on the problem of friend and foe in the work of the writer of the Russian Eastern emigration)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 2018, no. 2, pp. 173–185. (in Russ.)
- Kirillova E. O.** *Perepletenie kul'turnykh prostranstv vostoka i zapada v tvorchestve pisatelya russkogo zarubezh'ya B. Yul'skogo* [The interweaving of the cultural spaces of the East and West in the work of the writer of the Russian Emigration B. Yul'sky]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2016, no. 5 (74), pp. 81–89. (in Russ.)
- Kulikova E. Yu.** *Buninskiy fon v "Beloy mazurka" Borisa Yul'skogo* [Bunin's background in Boris Yul'sky's "White Mazurka"]. *Filologicheskiy klass* [Philological class], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 39–47. (in Russ.)
- Kulikova E. Yu.** *Tezaurus smerti v lirike Nikolaya Gumileva* [Death thesaurus in Nikolay Gumilev's lyrics]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2016, vol. 26, no. 6, pp. 94–102. (in Russ.)
- Lobychev A.** *Chelovek, ushedshiy na russkiy Vostok: Zhizn' i proza Borisa Yul'skogo* [The Man Who Left for the Russian East: Boris Yul'sky's Life and Prose of]. In: *Yul'skiy B. Zelenyy leгион: povest' i rasskazy* [Green Legion: a tale and short stories]. Vladivostok, 2011, pp. 3–25. (in Russ.)
- Uskova T. F.** *Syuzhet o bludnom syne v rasskazakh V. Nabokova "Zvonok" i B. Yul'skogo "Svyatochnnyy gost"* [The plot about the prodigal son in the stories by V. Nabokov's "The Call" and B. Yul'sky's "The Christmaside Guest"]. *Pamyat' i narrativ* [Memory and narrative]. Voronezh, Nauka-Yunipress Publ., 2012, pp. 148–152. (in Russ.)
- Yatsenko E. V.** «Lyubite zhivopis', poetry...». *Ekfrazis kak khudozhestvenno-mirovozzrencheskaya model'* ["Love painting, poets...". Ekphrasis as an artistic and ideological model]. *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2011, no. 11, pp. 47–57. (in Russ.)

- Yulsky B.** Schast'ye [Happiness]. In: Yulsky B. Zelenyy legion: povest' i rasskazy [Green Legion: a story and short stories]. Vladivostok, Al'manakh "Rubezh" Publ., 2011, pp. 443–454. (in Russ.)
- Yulsky B.** Liniya Kaygorodova [Kaigorodov's line]. In: Yulsky B. Zelenyy legion: povest' i rasskazy [Green Legion: a story and short stories]. Vladivostok, Al'manakh "Rubezh" Publ., 2011, pp. 415–432. (in Russ.)
- Zabiyako A. A.** Proza kharbinskogo pisatelya Borisa Yul'skogo v kontekste khudozhestvennoy etnografii dal'nevostochnogo zarubezh'ya [Harbin writer Boris Yulsky's prose in the context of artistic ethnography of the Far East abroad]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East], 2015, no. 2 (32), pp. 91–102. (in Russ.)
- Zhizn' Aleksandra Grina, rasskazannaya im samim i ego sovremennikami: Avtobiograficheskaya proza. Vospominaniya [Alexander Grin's life, Told by Himself and His Contemporaries: Autobiographical Prose. Memories]. Comp. by V. Kovsky. Moscow, Gorky Literature Institute Publ., 2012, 560 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Маргарита Ивановна Крюкова, кандидат филологических наук

Information about the Author

Margarita I. Kriukova, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 11.04.2021;
одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 29.10.2021
The article was submitted 11.04.2021;
approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 29.10.2021*